

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ИЗРАИЛЬСКО-ТУРЕЦКОГО ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Сергей Минасян

Статья посвящена израильско-турецкому сотрудничеству в военно-политической сфере, исходя из динамики развития политических процессов в регионе Большого Ближнего Востока и, в первую очередь, в контексте курдской проблемы. Освещаются также вопросы развития проектов использования водных ресурсов курдонаселенных регионов Турции и Ирака. Особый упор сделан на исследовании эволюции военно-технического сотрудничества Турции и Израиля, делаются выводы относительно возможных перспектив дальнейших двусторонних отношений в данной сфере, анализируется их влияние на проблемы региональной безопасности.

Введение

Израильско-турецкое военно-политическое сотрудничество имеет несколько уровней и должно рассматриваться как в собственно военной сфере (что, несомненно, имеет важность для обеих стран), так и в политической и геополитической сферах, что также имеет немаловажное значение в динамике их отношений. При этом как представители турецких военно-политических кругов, так и эксперты по проблемам региональной безопасности и внешней политики единодушны в том, что для Турции важность военно-политического альянса с Израилем во многом была обусловлена также возможностью усиления потенциала турецкой армии и спецслужб в борьбе против курдских организаций. В то же время, этот альянс позволил Анкаре получить необходимую политическую и моральную поддержку своих действий против турецких курдов со стороны Израиля – как на региональном уровне, так и на международной арене [1]. Несмотря на то, что это военно-политическое сотрудничество встречает противодействие со стороны практически всех соседей Израиля и Турции, императивы обоих государств в области безопасности вынуждают их продолжать его, особенно в таком жизненно важном

вопросе, как совместная борьба против так называемых «террористических организаций». Однако, вместе с тем, важнейшим препятствием для сотрудничества продолжают выступать глубокие и плохо скрытые антисемитские настроения, традиционно присущие турецкому обществу; фактор исламской солидарности, проявляющийся в ходе непопулярных в Турции силовых действий Израиля в Палестине (а в последнее время – еще и в Ливане), а также постепенное ухудшение американо-турецких отношений и усиление антиамериканизма в Турции. Однако, с точки зрения национальных интересов и геополитических целей Турции, важнейшей проблемой для действенного налаживания израильско-турецких стратегических отношений продолжает оставаться курдский вопрос во всех его проявлениях.

Что касается Израиля, то Тель-Авив был чрезвычайно заинтересован в сближении с Турцией, особенно с учетом интересов своего ВПК, возможности пробить брешь в имеющемся вокруг него враждебном мусульманском окружении, а также исходя из интересов своих партнерских отношений с США, которые в 1990-х гг. были весьма заинтересованы в налаживании стратегических отношений между Турцией и Израилем. Однако и тут весьма важным препятствием для Израиля явился курдский вопрос, так как в сферу интересов национальной безопасности Израиля (когда это было возможно) всегда входила помощь курдам (особенно в Ираке и частично в Сирии) для ослабления его наиболее опасных и принципиальных арабских противников – Сирии и Ирака. Однако Израиль всегда диверсифицировал свое отношение к различным общинам курдов, живущих в странах Ближнего Востока, и эволюция политики Израиля по отношению к турецким курдам имеет весьма сложную и длительную историю.

1. Военно-политическое сотрудничество двух стран в контексте курдской проблемы

Несмотря на довольно длительные и интересные периоды развития этой проблемы после создания государства Израиль в 1948г., для понимания нынешнего состояния дел точкой анализа израильско-турецких отношений в курдском вопросе следует считать 1990-е гг.

Как отмечала в свое время израильская пресса по результатам исключительного по своей важности исторического визита президента Израиля Эзера Вейцмана в Турцию в 1994г., несмотря на дипломатические взлеты и падения, контакты израильских и турецких спецслужб с 1958г. (т.е. знаменитого секретного визита Давида Бен-Гуриона в Турцию) продолжали оставаться довольно тесными. В ходе визита Вейцмана, кроме развития «ядерной

программы» Ирана и перспектив политики в отношении Сирии, обсуждалась и курдская проблема, в контексте так называемой «борьбы с террором и наркоторговлей». Примечательно, что во время визита все проправительственные представители турецких СМИ совершенно игнорировали палестинский вопрос и политику Израиля на оккупированных территориях. Вместо того чтобы задавать вопросы о палестинцах, турецкие журналисты интересовались, в первую очередь, проблемами, связанными с курдским вопросом. После завершения визита турецкая пресса сообщила, что Израиль отказался поддержать Турцию в борьбе против курдских повстанцев. Впрочем, по мнению уже израильской прессы, отказ Израиля не был вызван какой-то симпатией в отношении турецких курдов. Наоборот, к этому времени Израиль был уже, можно сказать, совершенно враждебен к турецким курдам. Во многом этот отказ в то время был вызван опасениями разрушить намечающиеся в 1990-е гг. контакты с Дамаском. При этом израильские СМИ также неоднократно подчеркивали, что Израиль всегда игнорировал и даже пресекал обсуждение на конференциях и различного рода заседаниях тем, относящихся к курдскому, а также армянскому вопросам, даже если они касались прав человека или затрагивали исключительно исторические темы.

В конце декабря 1997г., когда турецкий премьер М.Йылмаз посетил Белый дом, широкая коалиция правозащитных групп и организаций по контролю над трансфертами вооружений предприняла активную кампанию давления на администрацию Б.Клинтона в связи с нарушениями прав человека в Турции и продолжающимися репрессиями против курдов. Однако не все американские организации были столь критичны. 17 декабря *Anti-Defamation League (ADL)*, видная еврейская организация, созданная с целью борьбы против антисемитизма и иных форм дискриминации, пригласила М.Йылмаза на праздничный обед с участием лидеров нескольких основных американских еврейских организаций. Как отметил в ходе обеда директор *ADL* Абрахам Фоксман, Турция является примером демократии и толерантности во всем регионе. Однако в ежегодных отчетах Госдепартамента США, американских и международных организаций постоянно указывалось на нарушения прав человека в Турции. Естественно, что на этом фоне главная причина таких реверансов со стороны лидеров *ADL* и других еврейских организаций заключалась в углубляющемся с 1996г. военно-политическом сотрудничестве Турции и Израиля. Продажа Израилем вооружений Турции позволяла ей успешно преодолеть эмбарго со стороны США, находящегося под сильным давлением правозащитных организаций, например *Amnesty International* [2].

Углубляющееся со второй половины 1990-х гг. военно-политическое сот-

рудничество между Турцией и Израилем придало новый импульс тем силам в этих странах, которые выступали за военное разрешение внутренних конфликтов и рассматривали их в контексте так называемой «борьбы с терроризмом». Есть очень много схожего в антитеррористических действиях Израиля и Турции. Обе страны нарушали суверенитет соседей в своей борьбе с боевиками *PKK-KADEK* и *Хизбаллы*. На севере Ирака турки в свое время установили «зону безопасности», глубиной в 9 миль вдоль всей границы с Ираком, откуда турецкая армия осуществляла и осуществляет свои операции против *PKK-KADEK*. После оккупации Израилем в 1982г. юга Ливана и вплоть до вывода оттуда израильских войск, израильтянами там была установлена «зона безопасности», так же глубиной в 9 миль, для действий против *Хизбаллы*. В обоих случаях это привело к большим жертвам среди мирного населения.

Отметим также, что в Ливане, в долине Бекаа, рядом с сирийской границей, долгое время находились тренировочные базы и лагеря турецких курдов. В начале 1990-х гг. численность боевиков РКК на территории Ливана достигала нескольких сот человек, и их присутствие там представляло угрозу даже для израильских оккупационных частей, расквартированных на юге страны [3].

В свое время израильский премьер-министр Б.Нетаньяху публично заявил, что угроза терроризма объединяет Турцию и Израиль. Данная речь Нетаньяху была примечательна не только тем, что в ней он высказался против создания курдского государства, но и тем, что он также отметил, что мир между Сирией и Израилем невозможен до тех пор, пока Дамаск не прекратит свою поддержку РКК [4].

Как указывает один из идеологов израильско-турецкого альянса турецкий генерал Чевик Бир (*Çevik Bir*), одной из наиболее важных составляющих данного союза, наряду с проблемой распространения ОМП, является борьба против терроризма, под которой Турция понимает карательные действия против курдов [5]. Но в этом вопросе интересы сторон не во всем совпадали, т.к. Израиль долгое время поддерживал курдов Северного Ирака в их борьбе против иракских властей. Однако изменившиеся приоритеты политики безопасности Израиля вынудили его пересмотреть отношение к турецким курдам. Это ярко проявилось в ходе операции израильских ВВС против РКК в Ливане на севере долины Бекаа в ходе операции «Гроздь Гнева», а также содействию в свое время израильской разведке в установлении местонахождения и захвата лидера турецких курдов А.Оджалана [6].

Несмотря на то, что в сентябре 1999г. РКК объявила мораторий на ведение боевых действий против Турции, примерно в начале 2001г. президиум

Рабочей партии Курдистана (РПК – РКК) обратился с призывом к курдам провести экстренную мобилизацию. Выступая в прямом эфире по курдскому спутниковому телевидению *MED TV*, член президиума РПК Мурат Карайалан заявил: «Курдская молодежь должна занять свои места в рядах Национальных сил самообороны» (Национальные силы самообороны (НСС) – военное крыло РПК).

Таким образом, можно с определенной долей уверенности говорить, что этап «политики мира», провозглашенной партией сразу после ареста ее лидера Абдуллы Оджалана, был близок к окончанию. Следуя приказу своего председателя, РКК в сентябре 1999г. вывела из Северного (Турецкого) Курдистана все свои подразделения в Южный (Иракский) Курдистан. Но, как и ожидалось, встречных шагов со стороны Анкары не последовало. Разговоры о предоставлении курдам культурной автономии, внесении в Конституцию страны изменений, закрепляющих какие-либо минимальные права 15-миллионного «нацменьшинства», открытии национальных школ и телевидения велись лишь до декабря 1999г., когда в Люксембурге решался вопрос о принятии Турцией кандидатом в члены Евросоюза. После вынесения положительного решения все дискуссии по данной проблеме плавно сошли на нет. Выждав определенное время, пока внимание к курдам ослабнет, Турция приступила к активным действиям, что также вызвало ответную реакцию турецких курдов [7].

Несмотря на противоречия между основными курдскими политическими организациями: *PKK (KADEK)*, *KDP*, *PUK*, а также значительное ослабление и смягчение их позиций по отношению к Турции, тем не менее, надо отметить, что военные действия между курдскими повстанцами и турецкими войсками в любой момент могут вновь вступить в кровопролитную фазу, поэтому представляется необходимым особо остановиться на том, как на это влияли, влияют и могут повлиять в будущем израильско-турецкие отношения в военно-технической сфере. Тем более что в новых реалиях региональной безопасности после иракской войны 2003г. и закрепления статуса де-факто полунезависимого курдского государственного образования на севере Ирака, у турецких курдов появились новые стимулы и возможности для продолжения борьбы с турецкими властями.

По словам бывшего начальника турецкого Генерального штаба генерала Хилми Озкока (*Hilmi Ozkok*), *KADEK* насчитывало около 5500 бойцов в Турции и на севере Ирака [8]. С началом операции США против Ирака в марте-апреле 2003г. отряды *KADEK*, согласно сведениям турецкой разведки, были сосредоточены в районах Хафтанин, Метина, Зап, Авсин-Басян и

Харкук. Турецких военных особенно беспокоило то, что отряды боевиков *KADEK* имеют на вооружении, кроме легкого стрелкового оружия, также и ПЗРК Стрела-2/2М [9].

Отметим, что помощь израильтян туркам в тренировке и подготовке турецких антитеррористических подразделений для борьбы с курдами подразумевает, в основном, обучение сотрудников спецслужб Турции, но не солдат армейских частей вооруженных сил, предназначенных для ведения боевых действий в их традиционном понимании. Турецкие войска сами имеют весьма богатый опыт борьбы с иррегулярными отрядами, причем, вероятно, наиболее успешный по сравнению с армиями остальных государств региона. В составе турецкой армии насчитывается 4 бригады войск специального назначения (так называемые «горные командос»), которые весьма хорошо подготовлены для действий против боевиков РКК в горных условиях Юго-Восточной Турции и Северного Ирака [10]. Тогда как израильские войска спецназначения – притом, что считаются наиболее боеспособными и обученными на всем Ближнем Востоке, – практически не имеют опыта ведения боевых действий в подобных сложных горных условиях. Методы антитеррористических операций израильской армии и спецслужб более приспособлены для действий в городах, поселках, урбанистических районах и именно в обмене этим опытом и заключается, в основном, их помощь своим турецким коллегам. Еще более важное значение имеет техническая помощь, в частности средствами электронной и радиотехнической разведки, оказываемая Израилем Турции.

Конечно, в общих чертах можно утверждать, что практически все виды современной военной техники и вооружений, поставляемых Израилем Турции, косвенно могут быть использованы турецкими войсками в боях против курдов. Однако следует отметить, что не весь спектр военно-технического сотрудничества Тель-Авива и Анкары может оказать существенное влияние на успешный ход боевых действий турецкой армии против *PKK*. Естественно, в данном случае не имеет смысла отмечать сотрудничество двух стран в военно-морской области, в создании и принятии на вооружение систем региональной системы ПРО (т.к. возможность появления у курдских повстанцев ракет типа «земля-земля», тем более ОТР или ТР, для действий против которых и предназначены противоракетные системы «Эрроу» и «Эрроу-2», практически равна нулю), совместного производства ракет «Далила» и т.д.

Но в то же время необходимо отметить, что конкретно для действий турецкой армии против курдов как нельзя лучше могут служить следующие элементы израильско-турецкого военного сотрудничества:

1. Предложение о поставках международным консорциумом в составе российской фирмы «Рособоронэкспорт», украинской «Мотро-Сич» и израильской *IAI* вертолетов российского производства Ка-50-2 «Эрдоган», оснащенных израильским бортовым оборудованием и авионикой, модернизированных для турецких вооруженных сил. Стоимость программы оценивается в \$3,5 млрд. Особо отмечалось, что данный проект выгодно отличался от конкурентных предложений американской фирмы «Белл Хеликоптер Текстрон» не только ценой и тем, что американцы отказывались передать Турции всю техническую документацию по производству вертолетов *AH-1Z «Super Cobra»*, но и тем, что российская и израильская стороны не выдвигали никаких условий о возможном использовании данных вертолетов против курдских повстанцев. Тогда как одним из основных условий американцев, выдвигаемых под давлением правозащитных организаций, являлось то, что они требовали, чтобы поставляемые турецкой армии *AH-1Z* могли быть использованы в боевых условиях только в рамках союзнических обязательств Турции перед НАТО [11]. В то же время, существуют значительные политические препятствия для реализации этого совместного израильско-российско-турецкого проекта.
2. В числе программ по израильско-турецкому военно-техническому сотрудничеству планируется поставка для вертолетов, используемых турецкой армией в борьбе с курдами, системы «Гитар» для защиты от ракет переносных зенитных ракетных комплексов (ПЗРК) *CA-7* и *Stinger*, ранее эти вертолеты были также оборудованы системами ночного видения. Это решение было принято после того, как в населенных курдами районах были сбиты 2 боевых вертолета – *AH-1W Super Cobra* и *AS-532 Cougar*, а также 1 многоцелевой вертолет *S-70A Black Hawk* с 17 турецкими военнослужащими на борту [12]. Эти меры позволят усилить боевые возможности турецкой армейской (легкой) авиации и аэромобильных десантно-штурмовых подразделений турецких войск.
3. Оборудование вертолетов турецкой армейской авиации тепловизорами и другими современными системами разведки и обнаружения целей, для эффективного действия в ночных и сложных погодных условиях в горной местности. Кроме этого, 24 июля 2002г. *Turkey's Defense Industries Undersecretariat (SSM)* и израильская фирма *IAI* подписали контракт стоимостью в \$11,5 млн, который предусматривает модернизацию 7 турецких транспортно-десантных самолетов *C-130E*, в частности, замену авионики и бортовых навигационных систем этих самолетов. Работы

должны были быть проведены на турецком заводе в Кайсери (Центральная Анатолия), однако были отложены ввиду кризиса в двусторонних отношениях и финансовых проблем. Другая израильская фирма – «*Elbit System*», 30 июля 2002г. подписала контракт стоимостью в \$14 млн с турецкой компанией «*Turkish Aerospace Industries*» (*TAI*) на ремонт и замену оборудования многоцелевых вертолетов *S-70A Black Hawk*. Эти контракты на модернизацию израильскими фирмами транспортных самолетов и многоцелевых вертолетов также будут способствовать повышению возможностей частей специального назначения турецкой армии по транспортировке и высадке войск в курдонаселенных районах [13].

4. Средства радиотехнической, электронной, а в перспективе и космической разведки (спутники-шпионы *Ofeq-3*), которые могут быть поставлены израильской стороной [14]. Эти средства, в частности, могут помочь турецкому командованию получать разведывательную информацию в реальном масштабе времени о деятельности курдских повстанцев, местоположении их баз, тренировочных лагерей и т.д., в том числе и на территории сопредельных стран.
5. Поставка израильских ракет «воздух-поверхность» (*ASM Popeye-1/2*), позволяющих более активно использовать самолеты турецких ВВС для действий против наземных целей [15].
6. Поставка Израилем беспилотных самолетов. Мировой опыт показывает, что эти средства в последнее время занимают одно из ключевых мест в противоповстанческой борьбе. Вряд ли какие-то новые виды оружия и боевой техники так активно и эффективно смогли действовать против повстанцев, чем беспилотные самолеты-разведчики, а в последнее время и их ударные варианты типа *Predator* и *Global Hawk*. Ярким примером их удачного применения в сложных горных условиях могут быть операции американских войск против талибов в Афганистане с осени 2001г. [16]. Хотя США в настоящее время имеют наиболее значительный парк БПС, тем не менее, считается, что по производству этих средств Израиль «занимает, возможно, первое место в мире» [17]. Вспомним хотя бы активное и весьма удачное их применение израильтянами еще во время Первой Ливанской войны 1982г., когда впервые в мировой практике были столь масштабно применены новые в то время средства вооруженной борьбы. Военно-промышленный комплекс Израиля выпускает различные типы БПС, в том числе как разведывательные (*Heron, Hermes, Searcher Mk II*), так и ударные (*MOAB, Harpy*) [18]. В декабре 1998г. аппарат советника по вопросам военной поли-

тики Турции получил предложения от фирм «Дженерал Атомик» (США), *IAI* (Израиль) и *SATIC* (Китай) на совместное изготовление в Турции 37 беспилотных летательных аппаратов трех видов: ближнего радиуса действия – 14 ед., среднего – 8 ед. и дальнего – 15 ед. Соисполнители будущего контракта с турецкой стороны: компании *TAI* и «Аселсан» [19].

2. Израильско-турецкое сотрудничество и проблема использования водных ресурсов курдонаселенных районов Юго-Восточной Турции и Северного Ирака

Одним из важнейших аспектов курдского вопроса, интересующих Израиль, является проблема использования водных ресурсов Юго-Восточной Турции и Северного Ирака. В то же время проблема водных ресурсов, которая является одной из наиболее острых в отношениях Турции, Сирии и Ирака, тесно увязана с проблемами курдов, т.к. практически большинство водных ресурсов протекает именно по той территории, на которой проживают курды.

Особенность географического расположения основных водных ресурсов Ближнего Востока состоит в том, что основные их источники находятся в северной части региона (на востоке Турции, в северных частях Ирана и Ирака – в основном, на территориях, населенных курдами) и перемещаются на большие расстояния в зоны дефицита воды посредством системы рек и подземных источников. Наглядный пример такого перераспределения водных ресурсов на Ближнем Востоке – речная система Месопотамии: бассейны рек Тигра и Евфрата перемещают водные ресурсы Центральной и Юго-Восточной Анатолии (этногеографического Северного Курдистана) и северо-востока Месопотамии (Иракский и запад Иранского Курдистана) на юг, в населенные арабами пустыни. Эта особенность и определяет водный аспект курдского вопроса – проблему распределения водных ресурсов севера региона (Турецкого и частично Иракского Курдистана) на юге – в Сирии и Ираке, а точнее, в политическом и геоэкономическом смыслах данная проблема проявляется в жизненной заинтересованности арабских стран в водных ресурсах территорий, населенных в основном курдами, и, исходя из этого, возможности использования Турцией этой воды в качестве геополитического рычага в отношении Сирии и Ирака и, разумеется, в применении арабскими странами курдского фактора в геоэкономическом противоборстве с Турцией, что выражается в поддержке курдского движения в Турции.

В течение веков водные ресурсы этого региона в основном использовались только южными, арабскими соседями Турции, и лишь примерно с

1961г. турецкое правительство начало подготовительные работы по масштабному осуществлению проекта по строительству целой сети крупных гидротехнических и ирригационных сооружений в своих юго-западных, в основном курдонаселенных провинциях. Амбициозные планы Турции по использованию водных ресурсов этих территорий предполагают строительство 22 дамб (наиболее масштабная из которых будет носить имя Ататюрка), способных суммарно обеспечить орошение около 1,7 млн га (20% всех орошаемых площадей в Турции), а также возведение 19 гидроэлектростанций на Тигре и Евфрате [20].

Исторической особенностью водопользования Тигра и Евфрата является то, что до 1968г. ирригацию осуществляли лишь государства, находящиеся в низовьях этих рек (Ирак и Сирия, а до 1950г. – только Ирак), и только в 70-х годах государство – источник этих рек (Турция) – приступило к освоению и использованию Тигра и Евфрата. С 1980г. Турция начала осуществление грандиозного проекта «Юго-Восточной Анатолии» (*Guneydogu Anadolu Projesi - GAP*), который охватывает территорию с размером 73 863 км² (юго-западной и центральной части Турецкого Курдистана, включающие провинции Адьяман, Диярбекыр, Газиантеп, Мардин, Сиирт, Урфу, Ширнак и Батман), что составляет 9,4% территории всей Турции и представляет собой, как считают некоторые курдские авторы, кроме экономических целей, комплексный план изменения социально-экономического и демографического облика района, ибо в результате этого может существенно сократиться количество курдского населения этих областей [21].

Идею Турции, выдвинутую премьер-министром Тургуттом Озалом в 1987г. в вашингтонском Центре стратегических и международных исследований (*CSIS*) о постройке «водовода» или «трубопровода мира» (*Peace Pipeline Project*) для переброски излишков воды из влажных районов Турецкого Курдистана в засушливые страны Ближнего Востока (Сирию, Иорданию, Израиль и страны Персидского залива) арабские страны небезосновательно рассматривают в контексте «мечты Турции» достичь лидерства в регионе посредством экономического и политического доминирования и за счет зависимости этих стран от «турецкой воды». Кроме того, Сирия напоминает, что Турция, постоянно заявляя о дефиците водных ресурсов, предлагает экспортировать воду. Вдобавок к этому Турция планирует проложить по дну Средиземного моря 80-километровый трубопровод к турецкому анклаву на Северном Кипре с возможной последующей продажей воды греческой части Кипра [22].

Проблема транспортировки водных ресурсов из курдонаселенных районов Турции занимает все более важное значение во внешнеполитических пла-

нах Израиля. «Мини-трубопровод мира», предлагаемый Турцией для продажи 180 млрд м³ воды в год из р. Манавгат в Сирию, Иорданию, Израиль и Палестину (в том числе и по дну Средиземного моря в пределах территориальных вод Сирии), также встречает противодействие со стороны Сирии [23].

Впрочем, вряд ли поставки воды Израилю из Турции по трубопроводу можно называть «трубопроводом мира». В печати уже появились сведения, что этот вопрос прямо увязывается с поставками Израилем тех современных видов вооружений турецкой армии, которые в первую очередь необходимы Анкаре для борьбы с курдами. Так, 26 июля 2002г. *Defense News* сообщила в ответ на продолжающиеся трудности, связанные с кампаниями американских правозащитных организаций против поставок США вооружений (в частности, боевых вертолетов), которые Турция может использовать против *PKK-KADEK*, что официальные турецкие лица вновь активно возобновили переговоры с российско-израильскими кампаниями по закупкам вертолетов Ка-50-2. Кроме этого, Турция начала переговоры и о закупке еще одной партии ударных беспилотных самолетов (*Unmanned Combat Air Vehicles -UCAV*) в количестве 108 единиц. Взамен, как сообщила *Jerusalem Post*, Израиль обязался покупать у Турции 50 млн м³ воды ежегодно [24].

Известно, что водная проблема является составной частью арабо-израильских отношений. Еще в одном из положений соглашения в Осло между Израилем и арабами отмечалось о распределении водных ресурсов реки Иордан между еврейским государством и его арабскими соседями [25].

Курдские наблюдатели также отмечают, что интерес Израиля к проблеме водных ресурсов курдонаселенного ареала необходимо рассматривать с точки зрения перспектив мирного разрешения израильско-арабского конфликта. «Соединенные Штаты и Израиль в процессе ближневосточного урегулирования рассматривают и водные ресурсы р. Евфрат. Уступка Турцией Сирии по Евфрату будет способствовать выводу израильских войск с Голанских высот, так как Сирия, получив «надбавку» на Евфрате, станет более уступчивой по отношению к Израилю, жизненно заинтересованному в водных ресурсах Голан, что снимет еще одно препятствие для вывода из этого района израильского воинского контингента. Хотя Турция заявляет, что «турецкая вода» не может быть предметом сделки ближневосточного мирного процесса, с самого начала переговоров по нему США как главное действующее лицо этого процесса неизменно включали в него вопрос Евфрата. При этом Израиль обещает Турции на переговорах с Сирией учитывать ее водные интересы. Однако не исключено, что, несмотря на развивающееся израильско-турецкое сотрудничество в области водных ресурсов и иррига-

ции (вплоть до совместных проектов по созданию так называемой «биржи водных ресурсов», согласно которым воды Тигра и Евфрата будут распределяться между всеми государствами региона, в том числе и Израилем), что вызывает глубокую озабоченность арабов, водные интересы Турции потенциально могут быть принесены в жертву ближневосточному мирному процессу. С другой стороны, страх арабов зависеть от «турецкой воды» может способствовать их примирению с Израилем» [26].

Надо отметить, что одной из причин обострения отношений между Сирией и Турцией в 1998г., вызванных требованиями Анкары закрыть базы РКК в Сирии, являлась также растущая угроза безопасности гидротехническим сооружениям проекта *GAP* со стороны действий курдских повстанцев на юго-востоке Турции. По мнению многих аналитиков, в этом противостоянии немаловажную роль сыграл факт наличия уже вполне оформленного военно-политического альянса между Турцией и Израилем.

На своей встрече 12 марта 2001г. министры иностранных дел арабских стран обсудили подробный доклад, посвященный влиянию турецко-израильского военного сотрудничества на безопасность и стабильность в регионе. В докладе отмечалось, что заметно некоторое охлаждение в турецко-израильских отношениях, вызванное как давлением арабских государств, так и, в особенности, продолжающейся палестинской интифадой.

Согласно докладу, это проявилось в ряде действий Турции:

1. Аннулирование договора о модернизации турецких танков израильскими фирмами.
2. Отмена визита командующего израильской армией Шаула Мофаза в Турцию в октябре 2000г. МИД Турции охарактеризовал продолжающиеся насилия израильтян против палестинцев на Святой земле как «вызов чувствам мусульман Турции и всего мира». В турецких СМИ началась продолжающаяся до сих пор кампания против израильского насилия в Палестине.
3. Были отменены важные визиты в Израиль двух высокопоставленных военных чинов турецкой армии: командующего турецкими ВМС и командующего турецкими ВВС в ноябре и декабре 2000г.
4. Турецкие ВМС отложили военно-морские маневры «*The Bride of the Sea*», намеченные в декабре 2000г. с участием США и Израиля.

В то же время, согласно докладу, несмотря на некоторое охлаждение турецко-израильских отношений, турецкая позиция по углублению отношений с Израилем остается в силе. В докладе также отмечалось, что Турция

имеет нерешенные проблемы с рядом арабских стран по «границам, воде и курдам». С другой стороны, еще один аналитический доклад по проблемам водных ресурсов Тигра и Евфрата, подготовленный для Лиги Арабских государств, отмечал возросшее сотрудничество Турции и Израиля в этой области. Совместные проекты Турции и Израиля «*al Ghab*» по работам в сфере ирригации и сельского хозяйства оценивались в сумму более \$1 млрд [27].

Таким образом, одним из важнейших элементов политики Израиля в отношении курдов является проблема распределения водных ресурсов, протекающих через курдонаселенные территории Южной Турции и Северного Ирака, и ее разрешение во многом будет зависеть от того, насколько курды смогут контролировать эти ресурсы. В то же время, данный фактор будет влиять и на уровень израильско-турецких взаимоотношений, а в целом и на перспективы мирного урегулирования арабо-израильского конфликта.

3. Израильско-курдские отношения и позиция Турции после войны в Ираке 2003г.

После завершения операции США против Ирака, от которой, наверное, более всего в выигрыше оказались курды, в турецкой прессе появились сведения, что один из курдских лидеров по происхождению является евреем и, следовательно, Израиль вскоре начнет устанавливать тесные связи с де-факто существующим курдским государством на севере Ирака. В течение нескольких недель подобный сценарий активно муссировался турецкими СМИ. Еще 19 февраля 2003г. в «*Hurriyet*» была опубликована статья, где указывалось, что лидер KDP Массуд Барзани – этнический еврей и происходит из старинного рода курдских раввинов. Данная статья ссылалась на известную работу «*Folk Literature of the Kurdistan Jews*», опубликованную еще в 1982г., а также на результаты исследований турецкого историка Ахмеда Уджара, который в турецких архивных материалах XIX в. нашел сведения о деятельности курдского раввина по фамилии Барзани. В турецкой прессе М.Барзани считали потомком евреев, который якобы должен возглавить новое произраильское курдско-еврейское государство на территории библейской «Земли Обетованной», простирающейся от Нила до Евфрата, включая и населенные курдами территории Северного Ирака.

Однако автор «*The Folk Literature of the Kurdistan Jews*» профессор Йона Сабар в своих комментариях по поводу упомянутых турецких публикаций отметила, что они базируются на неверной интерпретации истории курдских евреев. Согласно Сабар, курдский раввин XVIв. Шамуэль Адони также имел имя «*Barzani*», что означало, что он выходец из города Барзан. Он

был основателем хорошо известной династии раввинов *Barzani*, представительницей которой была женщина-раввин *Asenath Barzani* (XVIIв.). По мнению израильской исследовательницы, маловероятно, что М.Барзани принадлежал к этой династии, т.к. *Barzani* широко распространенная курдская фамилия, к тому же в этой области Северного Ирака весьма мало евреев. В настоящее время общее количество евреев в Иране, Ираке и Турции составляет всего около 25,000 человек, поскольку основная их часть выехала в Израиль после так называемой «войны за независимость» 1948г.

Еврейский историк из Стамбула Рифат Бали отмечает, что вся эта история с вероятным еврейским происхождением М.Барзани составляет часть обширной концепции, распространенной в последнее время в турецких консервативно-националистических и исламских кругах и пользующейся большой популярностью среди общественности Турции. По его словам, «исламисты утверждают, что Израиль хочет использовать «курдскую карту» и создать новое еврейское государство, простирающееся от Нила до Евфрата, с включением курдских районов Северного Ирака и Юго-Восточной Турции. Это увязывается с традиционными опасениями турок относительно планов расчленив Турцию». Добавим также, что всего несколько лет назад в Турции была издана книга доктора Гаруна Йайя «Курдская карта Израиля» («*Israel's Kurdish Card*»), в которой говорилось о планах Израиля расширить свои границы за счет Ирака и Турции в союзе с курдами [28].

Действительно, нельзя однозначно утверждать, что многие в Турции разделяют мнение о необходимости развития военно-политического сотрудничества с Израилем. В недрах турецкого общества есть весьма существенные задатки, которые рассматривают альянс с Израилем как предательство национальных интересов Турции и исламских идей в целом. Одновременно, эти проявления тесно увязываются с антисемитскими и пан-османистскими (реваншистскими) стереотипами, прочно укоренившимися среди турецкой политической элиты и интеллигенции. Одним из ярких выразителей данных настроений является именно доктор Г.Йайя, автор многочисленных антиизраильских публикаций, вышедших в свет в последние годы. В этом аспекте наиболее показательной является его работа «Курдская карта Израиля», вышедшая в свет в Турции несколько лет тому назад [29].

Однако, несмотря на то, что антиеврейские настроения пользуются весьма широкой поддержкой среди значительной части турецкой общественности, они не являются определяющимися в формировании турецкой политики по отношению к Израилю. Одним из главных итогов войны с Ираком, вероятно, станет усиление военно-технического сотрудничества Израилем

ля и Турции. На фоне охлаждения отношений Турции и США, несмотря на противодействие турецкого генералитета, прогнозируется дистанцирование Турции и США вплоть до такого уровня, который бы не повредил членству Турции в НАТО, а роль США в продолжении обеспечения ее безопасности также будет снижаться. Одновременно возрастает вероятность втягивания государств региона в новые вооруженные конфликты, что увеличивает стимулы для углубления турецко-израильских военно-технических отношений.

Но в то же время предполагается, что Израиль в период, когда США будут заниматься проблемами послевоенного устройства Ирака, попытается в свою очередь самостоятельно решить многие проблемы с палестинцами [30]. И именно это в перспективе может стать большим препятствием на пути сотрудничества Анкары и Тель-Авива (что, кстати, и было одной из основных причин охлаждения отношений двух стран с конца 1970-х до начала 1990-х гг.), чем даже противодействие арабских стран [31].

Так, летом 2000г. свыше 400 турецких офицеров подписали петицию, призывающую к разрыву отношений между Турцией и Израилем, а с другой стороны – к углублению отношений с арабскими государствами. Кроме этого, глава объединения независимых промышленников и предпринимателей Али Огло призвал к пересмотру отношений с Израилем после инцидента с участием А.Шарона в мечети *al Aqsa*, назвав его вызовом религиозным чувствам не только палестинцев, но и всех мусульман [32].

4 апреля 2002г. премьер-министр Турции Б.Эджевит назвал действия израильтян против палестинцев не иначе как «геноцидом» и подверг резкой критике израильского премьера А.Шарона. Однако уже на следующий день он поправил свои слова, отметив, что они были неправильно интерпретированы, а некоторые турецкие военные даже поддержали израильские действия в отношении палестинцев. Та важность, которую обе стороны придают двусторонним взаимоотношениям в сфере безопасности, заставила вскоре посчитать инцидент исчерпанным [33].

Однако, уже с 2000г., некоторые аналитики указывали, что после того, как турецкие спецслужбы захватили А.Оджалана и ослабили боевые действия, осуществляемые *PKK-KADEK* в отношении Турции, а также после наметившегося потепления отношений между Сирией и Турцией, ощущается некоторое дистанцирование в стратегическом партнерстве Анкары и Иерусалима. Особенно это проявилось в ходе голосования Турции в 2000г. в поддержку осуждения Генеральной Ассамблеей ООН противоправных действий Израиля против палестинцев на оккупированных территориях. А на следующий день президент Турции А.Н.Сезер в свою очередь подверг критике по-

литику Израиля на оккупированных территориях в ходе заседания комитета по торговле организации «Исламская конференция» в Стамбуле, что позволило опять заговорить об охлаждении турецко-израильских отношений [34]. Секретарь израильского МИД (замминистра) Аллоин Лейл заявил, что его правительство не согласно с позицией Турции относительно развития событий в Палестине, особенно с турецким голосованием на *UNGA*. Он назвал голосование Турции неожиданным для Израиля, а последующую речь Сезера, осуждающую террор Израиля и поддерживающую права палестинцев, обозреватели назвали «вторым ударом» по Израилю. Еще неделей раньше, во время визита в Турцию, А.Лейл призвал турецкую сторону не поддерживать антиизраильскую резолюцию Генеральной Ассамблеи и «не идти той неправильной дорогой, по которой она шла в 1960-х и 1970-х гг.», спонтанно голосуя совместно с арабскими государствами [35].

Однако на самом деле, как замечает ведущий аналитик Вашингтонского института Ближневосточной политики Алан Маковский (*Alan Makovsky*), и турецкие, и израильские официальные лица, еще с самого начала установления тесных отношений в середине 1990-х гг., постоянно воздерживались от публичной поддержки друг друга по спорным вопросам международной и региональной политики, особенно учитывая отрицательную позицию внутри своих стран по этим вопросам. Турция, даже после установления дипломатических отношений с Израилем в декабре 1991г. на полном, посольском уровне, почти всегда последовательно голосовала совместно с арабскими странами по резолюциям ООН, касающимся палестинцев. В 170 из 179 резолюций *UNGA* Турция голосовала против Израиля. В то время как Израиль, в свою очередь «стремясь не обострять отношений с курдами и не наживать себе новых врагов», редко когда называл PKK террористической группой и старался не поддерживать турецкую политику в отношении курдов [36].

Анализ взаимоотношений двух стран за последнее время однозначно показывает, что Израиль в целом определился в своей политике касательно турецких курдов. Итоги взаимных визитов высокопоставленных официальных лиц обоих государств в 2003-2005 гг. позволяют предполагать, что и Турция, и Израиль полны решимости продолжать сотрудничество в сфере обороны и безопасности, причем именно в контексте так называемой «борьбы с международным терроризмом». К примеру, в ходе переговоров в Анкаре турецкого министра обороны Векти Гонула с его израильским коллегой Шаулом Мофазом наряду с сотрудничеством в военно-промышленной области, обсуждался также весь комплекс вопросов в сфере взаимодействия двух стран по борьбе с международными террористическими организация-

ми. А в сентябре 2003г. вместе с рядом высокопоставленных сотрудников турецких спецслужб в Израиль прибыл министр внутренних дел Турции Абдулкадир Аксу. Это был первый визит министра из состава нового происламского турецкого правительства в Израиль. Основной целью визита главы турецкого МВД в Израиль было восстановление в полном объеме сотрудничества между соответствующими ведомствами двух стран в обмене информации в области безопасности, особенно касательно различных террористических групп и организаций. Данная проблема вновь приобрела особое значение для Турции, поскольку, несмотря на объявленную турецким правительством амнистию для членов *PKK-KADEK*, последняя заявила о прекращении действия режима перемирия с Турцией [37].

Новым подтверждением тесного сотрудничества двух стран стало соглашение о взаимодействии в сфере борьбы с терроризмом, а также развития технических средств для антитеррористических действий, в том числе против турецких исламских радикальных организаций, подписанное в ходе визита в конце декабря 2003г. в Анкару министра общественной безопасности Израиля. Данное соглашение во многом было вызвано нашумевшими террористическими актами, произошедшими в этот период в Турции и имевшими явный антиизраильский характер [38].

Несмотря на все сложности и проблемы (например, перманентные зигзаги их отношений, вызванные во многом комплексным внутривосточным и внешнеполитическим давлением на правительства обеих стран), израильско-турецкий альянс продолжает оставаться важным элементом геополитических процессов в регионе, т.к. главным императивом для обеих стран является политика в сфере безопасности [39]. При этом, если для самих Израиля и Турции, а также США этот альянс представлялся ядром будущей системы региональной безопасности, то по мнению их оппонентов он вызывал реактивную систему формирования альтернативных блоков, новый виток напряженности и гонки вооружений, что в итоге негативно отражалось на перспективах безопасности на всем Среднем и Ближнем (Большом Ближнем) Востоке.

Таким образом, резюмируя, можно утверждать, что на фоне возможного дальнейшего углубления военно-политического сотрудничества Анкары и Тель-Авива Израиль к настоящему времени практически определился в своей политике по отношению к турецким курдам, и эта политика, по всей видимости, будет являться производной от общего уровня турецко-израильского сотрудничества. При этом необходимо отметить, что вышесказанное относится, в первую очередь, к турецким курдам и их политическим органи-

зациям, таким как *PKK-KADEK* (к настоящему времени имеются сведения, что вследствие нового раскола данная курдская организация вновь поменяла свое название), но отнюдь не к иракским курдам, политика Израиля в отношении которых должна быть рассмотрена отдельно.

4. Современный уровень израильско-турецких отношений и развитие сотрудничества в военно-технической сфере

Боязнь возникновения курдского государства, а также кризис в турецко-израильских отношениях из-за позиции, занятой Израилем по ряду региональных проблем, особенно палестинской и курдской, заставили Турцию в последние годы активизировать свои действия в регионе Большого Ближнего Востока без оглядки на своих западных партнеров. Новое руководство Турции окончательно сделало свой выбор в пользу более активной региональной политики, предполагающей возрождение роли Турции на Ближнем Востоке, что усложняет поддержание баланса в отношениях между Израилем и арабскими странами, поскольку тесные стратегические отношения между Израилем и Турцией вызывали серьезные проблемы в контактах Анкары не только с арабскими, но и вообще с мусульманскими странами.

Турецко-израильские отношения существенно обострились к маю 2004г., когда турецкий премьер Р.Т.Эрдоган выступил с несколькими резкими заявлениями по поводу силовых методов Израиля в процессе ближневосточного урегулирования, а после ликвидации израильскими спецслужбами лидеров *ХАМАС* шейха Ясина и Абдулазиза Рантиси даже назвал политику Израиля «близкой к государственному терроризму». Эрдоган также обвинил А.Шарона в саботаже мирного процесса на Ближнем Востоке. Эти жесткие заявления, по сути, перечеркнули на данный момент все попытки Израиля наладить с Анкарой отношения, переживающие серьезный кризис после убедительной победы в ноябре 2002г. на парламентских выборах Партии справедливости и развития и формирования в Турции (впервые за многие годы) однопартийного правительства. Тем не менее, 24 декабря 2003г. Турция и Израиль подписали Соглашение о совместной борьбе с террором. Документ предусматривал обмен разведывательной информацией между Израилем и Турцией, разработку совместных антитеррористических методик и проведение совместных учений пограничных подразделений. Но это Соглашение вызвало резкую негативную оценку в ряде исламских стран и было названо поводом для проведения репрессивных акций в Турции, в особенности против курдов [40].

С апреля 2004г., под влиянием событий в Ираке, в израильско-турецких отношениях стали проявляться отчетливые элементы похолодания. Некоторые эксперты, проанализировав сложившуюся в этот период в турецко-израильских отношениях ситуацию, поспешили сделать вывод о серьезной угрозе партнерству двух стран, особенно исходя из того, что в этот период были под различными предлогами аннулированы или отложены некоторые важные проекты в сфере военно-технического сотрудничества. Тем не менее, исходя опять-таки из приоритетов в сфере безопасности, турецкое руководство (испытывая большое давление со стороны военных) пошло на новую активизацию своих отношений с Израилем. Точкой отчета нового этапа двусторонних отношений стал инициированный турецкой стороной визит Р.Т.Эрдогана в Израиль в мае 2005г. 1 мая Эрдоган прибыл в Израиль, и, к удовольствию всех сторон, сразу же начал переговоры о продолжении военного сотрудничества. В результате был подтвержден контракт на продажу Турции израильских беспилотных самолетов-разведчиков дальнего радиуса действия «Харон» на общую сумму \$200 млн. Министр обороны Веджди Генюль и его заместители совместно с военным ведомством Израиля и директором военно-авиационного концерна «Таасия авирит» начали готовить документы по сделке, в осуществление которой израильтяне должны будут модернизировать 30 истребителей турецких ВВС *F-4 Phantom*, заработав на этом \$500 млн (ранее, как известно, в 2001-2002 гг., авиационная промышленность Израиля уже модернизировала 54 турецких самолета того же класса [41]). Начались обсуждения и возможных закупок израильских бронетранспортеров «Ахзари» и танков «Меркава», хорошо зарекомендовавших себя в условиях ведения боевых действий в пустыне [42].

Не случаен тот факт, что в налаживании нового этапа израильско-турецких отношений именно военно-техническая составляющая играла важнейшую роль. В 2000-2004 гг. военно-техническое сотрудничество с Турцией (по результатам контрактов, заключенных начиная с середины 1990-х гг.) составляло примерно 20-35% от общего экспорта продукции израильского ВПК. В основном это были проекты, связанные с модернизацией авиационной техники ВВС Турции (самолеты *F-4* и *F-5*), закупкой авиационного ракетного вооружения и т.д. За счет высокой конкурентоспособности своего предложения Израиль также сумел получить контракт на модернизацию танков *M-60*. Хотя этот контракт был подписан еще в 2002г., однако из-за различных причин (финансовые проблемы и смена правительства в Турции, общее охлаждение двусторонних отношений) его реализация затягивалась.

Только с конца 2005г. израильские инженеры приступили к выполнению масштабной модернизации танкового парка турецкой армии. В результате модернизации танки *M-60* американского производства по ряду характеристик будут соответствовать израильским танкам «Меркава-4» последнего поколения. В частности, от «Меркавы» к турецкому танку перешли система управления огнем, механизм поворота башни, комплекты навесной брони, силовая установка и 120-миллиметровая пушка. Программу модернизации *M-60* специально для Турции подготовили израильские инженеры из компаний *Israel Military Industries (IMI)* и *Elbit Systems*. Ее стоимость составляет \$688 млн. Всего будет модернизировано 170 танков. Производство некоторых компонентов для будущих модернизированных танков начнется во второй половине 2006г., а выпуск новых машин — с начала 2007г. Турецкие сухопутные войска получают все 170 модернизированных *M-60* до 2009г. В настоящее время в Турции идут испытания одного прототипа будущего танка. Второй опытный экземпляр, изготовленный израильтянами, проходит испытания на полигоне в Израиле. По имеющимся сведениям, успешно на нынешнем этапе проходят переговоры и по закупкам израильских бронетранспортеров «Ахзари» [43]. Согласно имеющейся информации, в случае успешной реализации указанного проекта, в дальнейшем возможна также модернизация еще до 1000 танков *M-60* турецких вооруженных сил с помощью израильских компаний [44].

В апреле 2005г. стороны также подписали договор о продаже Турции израильских беспилотных самолетов-разведчиков «Херон» дальнего радиуса действия. Сделка оценивается в \$200 млн. В этот же период состоялся обмен представительными делегациями министерств обороны и генеральных штабов ВС двух стран. Специалисты оценили эти переговоры в \$1,5 млрд. Именно такую сумму составили практически согласованные новые двусторонние проекты в области военно-технического сотрудничества. Кроме согласования плана реализации ряда двусторонних проектов в военно-технической области, Турция и Израиль в последнее время также договорились о продолжении совместных военных учений под кодовым названием «*Reliant Mermaid*» («Уверенная сирена») с использованием разведывательных спутников [45].

В свое время довольно перспективным проектом рассматривалась и модернизация 7 военно-транспортных самолетов *C-130E* турецких ВВС израильской компанией *IAI*. В 2002-2003 гг. шли активные переговоры между сторонами о реализации этого контракта стоимостью до \$12 млн, однако они закончились провалом – как считается, в связи с общим охлаждением поли-

тических отношений, а также финансовыми сложностями. Намного более удачным может оказаться программа реализации нового, уже второго проекта (первый был осуществлен во второй половине 1990-х гг.) по модернизации истребителей *F-4 Phantom* и доведение их израильскими специалистами до уровня *Phantom-2020*. Как считается, за счет оснащения истребителей новой израильской авионикой и оборудованием ресурс эксплуатации этих самолетов в турецких ВВС будет продлен минимум до 2020г., при этом проектом предусматривается осуществление значительной части работ на турецких предприятиях и в сотрудничестве с турецкими компаниями [46].

Израиль также заинтересован в модернизации турецких учебных самолетов *T-34* и *T-38*. В настоящее время командование ВВС Турции разрабатывает концепцию этой программы с целью продлить срок эксплуатации этих самолетов до 2015г. [47].

Важным аспектом военно-технического сотрудничества Турции и Израиля является сотрудничество в сфере ПВО и тактической ПРО. Как известно, в последние годы Турция намерена осуществить глубокую модернизацию своей системы ПВО и развертывание собственной ПРО театра военных действий (ТВД). Во многом это связано с усиливающейся гонкой вооружений и проблемами распространения ОМП и ракетных технологий в регионе Большого Ближнего Востока. В 1999г. Турция получила первую батарею американского армейского ЗРК «Пэтриот» 2-й модификации (*PAC-II*) для усиления ПВО/ПРО группировок своих вооруженных сил и важных военных объектов страны. В рамках создания современных систем ПРО ТВД главным партнером США является Израиль. В настоящее время Израиль является единственным государством мира, которое имеет систему ПРО, охватывающую всю территорию страны. В Израиле были разработаны системы ПРО «Эрроу» и ее дальнейшая модификация «Эрроу-2», которые планируется поставлять также и в Турцию. Турция с 1999г. участвует в этом проекте, и ее желание получить на вооружение данные усовершенствованные системы ПВО/ПРО вызвано (кроме защиты страны от вероятных пусков ракетных систем с использованием «скадовских» технологий), также стремлением уравновесить развернутую на греческом острове Крит ЗРС С-300 ПМУ-1 российского производства [48]. В то же время, программа развертывания ПРО в сотрудничестве с Израилем и США усложняется большой стоимостью реализации проекта. Даже наиболее ограниченная система ПРО с минимальным количеством установок «Эрроу» обойдется Турции в сумму более \$5 млрд, при этом не обеспечивая возможности защиты всей территории страны [49].

Военно-техническое сотрудничество двух стран, тем не менее, имеет свои объективные ограничители и не способно в дальнейшем служить основой для углубления их политических отношений и доведения их до уровня «стратегического союза». Естественно, императивы в сфере безопасности в среднесрочной перспективе однозначно будут способствовать сохранению стабильного партнерства, но уже не в состоянии довести их до уровня союзнических. Этому не способствуют ни политические условия, ни углубляющиеся в Турции антиизраильские отношения. За исключением военной верхушки и определенной части турецкой политической элиты, население и широкая общественность Турции резко отрицательно относятся к дальнейшему качественному углублению сотрудничества с Израилем.

Серьезным испытанием для двусторонних отношений явились события вокруг Ливана летом 2006г., вызванные боевыми действиями израильской армии против *Хизбаллы* и вторжением Израиля в южные районы Ливана. В Турции эти действия Израиля сразу же вызвали резкий подъем антиизраильских и антисемитских настроений, нашедших поддержку и у значительной части правящей элиты страны.

Уже 1 августа 2006г. в Стамбуле по предложению Анкары состоялось срочное заседание организации «Исламская конференция» (ОИК) на экспертном уровне для обсуждения вопроса об оказании Ливану гуманитарной помощи. А уже 3 августа по инициативе Турции и ряда арабских государств на экстренном заседании Исполнительного комитета ОИК в Куала-Лумпуре страны-участницы обсудили кризисную ситуацию на Ближнем Востоке и приняли совместное заявление. В документе содержался призыв к немедленному и безоговорочному прекращению боевых действий в Ливане, а действия Израиля были охарактеризованы в нем как агрессивные и преступные, расследованием которых должен заняться Совет Безопасности ООН. Турецкую делегацию на встрече ОИК в Малайзии возглавлял премьер-министр Реджеп Тайип Эрдоган, который в своем выступлении подверг резкой критике действия Израиля, назвав их «несправедливыми и незаконными». Кроме того, Турция выступила с инициативой созвать экстренное заседание Парламентского союза ОИК. 3 августа все депутаты от правящей в Турции Партии справедливости и развития вышли из межпарламентской группы дружбы с Израилем в знак протеста против военных действий в Ливане. Накануне о выходе из турецко-израильской межпарламентской группы дружбы заявили и депутаты от основной оппозиционной Народно-республиканской партии. Комиссия по правам человека парламента Турции на экстренном заседании

охарактеризовала боевые действия Израиля в Ливане как государственный терроризм и геноцид и призвала к суду над ним в международном трибунале за военные преступления. Турецкие эксперты в связи с событиями в Ливане также отметили всплеск антиизраильских и антиамериканских настроений в Турции, т.к. Вашингтон однозначно расценивался как соучастник и пособник действий Израиля [50].

Весьма интересной иллюстрацией нынешнего восприятия израильско-турецких отношений в турецком обществе на фоне военной операции Израиля в Ливане летом 2006г. явились события, связанные с назначением на должность нового начальника Генерального штаба вооруженных сил Турции армейского генерала Яшара Бююканыта. В связи с тем, что Я.Бююканыт пользовался поддержкой А.Сезера и занимает более жесткую позицию по курдскому вопросу, проблемам интеграции с ЕС и т.д., в отношении него предпринимались различные попытки дискредитации. С этой целью даже «предпринимались попытки использовать подлинный факт нахождения могилы его деда – офицера Османской армии, погибшего в годы Первой мировой войны, на территории Израиля. Израильский генштаб в качестве жеста доброй воли установил местонахождение могилы, привел ее в надлежащий вид и пригласил турецкого генерала посетить место захоронения деда. По мнению инициаторов кампании, этот факт на волне роста в стране антиизраильских настроений в связи с конфликтом в Ливане должен был сыграть против Я. Бююканыта» [51].

Изменения, происходящие в настоящее время в турецко-израильских отношениях, обусловлены также процессами европейской интеграции Турции. Ориентированная в сторону ЕС внешняя политика Анкары заставляет ее внести определенные изменения в свои отношения с Израилем, т.к. позиция Евросоюза к Израилю всегда была несколько более жесткой, а симпатии к арабам, хоть и не проявляются отчетливо, но все же имеют место. Анкара же претендует на роль основного проводника политики ЕС на Большом Ближнем Востоке, что означает постепенное снижение уровня отношений с Израилем. Аналогичное отрицательное значение для отношений с Израилем имеет также усиление антиамериканских настроений в Турции и процессы, связанные с усилением курдского фактора в процессах вокруг Ирака. Очевиден и другой, внутривластный фактор в Турции, от которого зависит качество турецко-израильских отношений. Нынешняя политическая элита Турции ведет продолжительную борьбу за снижение роли и влияния военных в жизни турецкого государства. Известно, что именно турецкие военные были основными

идеологами и сторонниками развития израильско-турецких отношений, начиная с 1990-х гг. Поэтому, в случае дальнейшего снижения роли военной верхушки в политической жизни Турции, отношения с Израилем также объективно будут слабеть. Это, конечно, не приведет к полному разрыву израильско-турецких отношений – императивы в сфере безопасности двух стран не позволят даже их снижение до критического уровня, – но их роль в политических процессах в регионе будет существенно откорректирована.

Октябрь, 2006г.

Источники и литература

1. *Minasian S.*, The Turkish-Israeli Military and Political Co-operation and Regional Security Issues // *Iran and Caucasus*, Vol VII, №1-2, 2003; Минасян С. Израиль - Турция: Военно-политическое и военно-техническое сотрудничество (в аспекте проблем региональной безопасности) // *Центральная Азия и Кавказ*, №1, 2004.
2. *Washburn J.*, Power Bloc: Turkey and Israel Lock Arms // *The Progressive Magazine*, December 1998.
3. *Peterson S.*, Kurd Extremists Train in Lebanon // *The Christian Science Monitor*, 13.08.1991.
4. *Washburn J.*, Power Bloc: Turkey and Israel Lock Arms // *The Progressive Magazine*, December 1998.
5. *Bir Ç.*, Turkey's Role in the New World Order: New Challenges // *Strategic Forum*, INSS, №135, February 1998.
6. *Ахмедов В.*, Противостояние // *Азия и Африка сегодня*, №1, 2000, с. 14.
7. *Спиридонова Н.*, Курды вновь готовятся к войне: Впервые после ареста их лидера Оджалана объявлена мобилизация среди курдской молодежи Турции // *Независимое военное обозрение*, 18.01.2001.
8. General Hilmi Ozkok, Interview // *Jane's Defense Weekly*, 22.01.2003, p. 32.
9. *Sariibrahimoglu L.*, Iraq: The Turkish Factor // *Jane's Defense Weekly*, 02.04.2003, p. 18.
10. *The Military Balance 2002/2003*. IISS: London, 2002, p. 58.
11. *Коротченко И.*, Российское оружие в Турции: Вертолет Ка-50-2 «Эрдоган» продолжит борьбу за контракт стоимостью 3,5 млрд долларов // *Независимое военное обозрение*, 28.09.2001.
12. *Sariibrahimoglu L.*, Turkey Places Helicopter Electronic Warfare Contracts // *Jane's Defense Weekly*, 16.01.2002, p. 15.
13. *Sariibrahimoglu L.*, Redan S. Turkey Announces C-130 and Black Hawk Upgrades // *Jane's Defense Weekly*, 07.08.2002. p. 10.

14. *Марьясис Д.А.*, ВПК Израиля на рубеже веков // Востокведный сборник. Вып.3 / Отв. ред. Федорченко А.В., Филоник А.О. ИИИБВ: М. 2002, с. 230-238.
15. *Маратов М.М.*, Военно-экономическая политика Турецкой Республики и ее сотрудничество с зарубежными странами // Армия и власть на Ближнем Востоке: от авторитаризма к демократии / Отв. ред. Ахмедов В.М., ИИИБВ: М.2002, с. 388.
16. *Cobrin M.*, Honing the Sword: Strategy and Forces After 9/11. CDI: Washington, 2003, p.95-97.
17. *O'Sullivan A.*, Turkish F-16s Use Israeli Base to Practice Evading S-300 Missiles // Jerusalem Post, 17.07.1998.
18. *Rodman D.*, Israel's National Security Doctrine: An Introductory Overview // Middle East Review of International Affairs. Vol.5, №3, September 2001, p. 80.
19. *Маратов М.М.*, Военно-экономическая политика Турецкой Республики и ее сотрудничество с зарубежными странами, с. 373-376.
20. *Lorenz F.M.*, Erickson E.J. The Euphrates Triangle: Security Implications of the Southeastern Anatolia Project. NDU: Washington, 1999, p. 1-6.
21. *Мосаки Н.З.*, Гидростратегические аспекты курдского вопроса // Ближний Восток и современность. Вып.11 / Отв. ред. Исаев В.А., Филоник А.О. ИИИБВ: М.,2001, с. 199-201.
22. *Kinzer S.*, A Fierce Struggle for Water Drives All the Players in the Kurdish Conflict. // International Herald Tribune, 02.03.1999.
23. *Мосаки Н.З.*, Гидростратегические аспекты курдского вопроса // Ближний Восток и современность. Вып.11 / Отв. ред. Исаев В.А., Филоник А.О. ИИИБВ: М.,2001, с. 206.
24. Turkey Seeks Attack Helicopters – As Soon As Possible // Weekly Defense Monitor, CDI, Vol.6, Is. 30, 12.09.2002.
25. *Lorenz F.M.*, Erickson E.J. The Euphrates Triangle: Security Implications of the Southeastern Anatolia Project, p. 44.
26. *Мосаки Н.З.*, Гидростратегические аспекты курдского вопроса // Ближний Восток и современность. Вып.11 / Отв. ред. Исаев В.А., Филоник А.О. ИИИБВ: М.,2001, с. 207.
27. A Report on the Turkish-Israeli Military Cooperation. Turkey-Israel, Politics, 03.05.2001, (www.arabicnews.com/ansub/Daily/Day/010305/2001030508.html).
28. *Schleifer Y.*, Jewish Telegraph Agency (JTA), 07.04.2003.
29. *Yahya H.*, Israil'in Kurd Karti. Israil'in Ortadogu Stratejisi Ve Kurt Devleti Senaryolari. (Israel's Kurdish Card: The Middle East Strategy of Israel and «Kurdish State» Scenarios). Ankara, 1993.
30. *Terrill A.W.*, Strategic Effects of the Conflict with Iraq: The Middle East, North Africa, and Turkey. U.S. Army War College, SSI: Carlisle, March 2003, p. 11-13.
31. *Larrabee F.S.*, Lesser I.O. Turkish Foreign Policy in an Age of Uncertainty. RAND: Santa-Monica, 2003, p. 144.
32. Turkish Officers Call for Boycotting Relations with Israel. Turkey-Israel Politics,

- 10.27.2000, (www.arabicnews.com/ansub/Daily/Day/010227/2001022706.html).
33. *Migdalovitz C.*, Turkey: Issues for U.S. Policy. CRS: The Library of Congress, Washington, 22.05.2002, p. 16-17.
34. *Makovsky A.*, Turkish - Israeli Ties in the Context of Israeli – Arab Tension // WINEP, Policywatch №502, 10.10.2000, (www.washingtoninstitute.org).
35. Turkish Backing to Israel Deteriorated. Turkey-Israel Politics, 10.27.2000, (www.arabicnews.com/ansub/Daily/Day/010227/2001022706.html).
36. *Makovsky A.*, Turkish - Israeli Ties in the Context of Israeli – Arab Tension.
37. The Observer. A Quarterly Review of Cooperation: U.S., Turkey and Israel. JINSA - АТАА: Washington, №4, October 2003, p. 3-4.
38. Israel, Turkey Sign «War on Terror» Cooperation Pact // Ha'aretz, 27.12.2003.
39. *Makovsky A.*, Israel-Turkey: Strategic Relationship or Temporary Alliance? // The Middle East in 2015: The Impact of Regional Trends on U.S. Strategic Planning / Ed. by Yaphé J.S. NDU: Washington 2002, p. 231-235.
40. *Гурьев А.А.*, О турецко-израильских отношениях // ИИИБВ, 13.05.2005.
41. *Минасян С.*, Израиль - Турция: Военно-политическое и военно-техническое сотрудничество (в аспекте проблем региональной безопасности) // Центральная Азия и Кавказ, №1, 2004.
42. *Гурьев А.А.*, О турецко-израильских отношениях // ИИИБВ, 13.05.2005.
43. *Гурьев А.А.*, Турция – Израиль: по пути укрепления военного сотрудничества // ИИИБВ, 24.01.2006.
44. *Kogan E.*, Cooperation in the Israeli-Turkish Defence Industry. CSRC, September 2005, p. 4-5.
45. *Гурьев А.А.*, Турция – Израиль: по пути укрепления военного сотрудничества // ИИИБВ, 24.01.2006.
46. *Kogan E.*, Cooperation in the Israeli-Turkish Defence Industry. CSRC, September 2005, p. 3-4.
47. *Хмелинец С.М.*, О деятельности авиационно-промышленного комплекса Турции в период с 1998 по 2004 гг. // Ближний Восток и современность, Вып.23 / Отв. ред. Арунова А.Р., Филоник А.О. ИИИБВ, М.,2004, с. 174.
48. *Баскаков В.*, Горшков А. ПРО на европейском театре // Независимое военное обозрение, 31.10.2003.
49. *Udum S.*, Missile Proliferation in the Middle East: Turkey and Missile Defense // Turkish Studies, Vol.4, N.3, Autumn 2003, p. 93-94.
50. *Гурьев А.А.*, Ситуация в Турции: август 2006 г. // ИИИБВ, 04.09.2006.
51. *Гурьев А.А.*, О кадровых перестановках в высшем руководстве вооруженных сил // ИИИБВ, 14.08.2006.

PRESENT SITUATION OF ISRAELI-TURKISH MILITARY-POLITICAL COOPERATION

Sergey Minasyan

Resume

Israeli-Turkish military-political cooperation should be considered both in its own military field (which is of indisputable importance for both of the parties) and its political and geopolitical realms, which isn't of little importance in the dynamic of their relations. At that, both the representatives of Turkish military-political circles and the experts engaged in the problems of regional security and home policy unanimously agree that Turkey's military-political alliance with Israel was also mostly conditioned by the possibility to strengthen the capacity of Turkish army and special services in their struggle against Kurdish organizations. In spite of the fact that military-political cooperation is counteracted by the most practical neighbors, Israel and Turkey, the imperatives of both of the countries in the security field make them continue it.

From the standpoint of national interests and geopolitical interests of Turkey, the most important problem hindering the settlement of Israeli-Turkish strategic relations, remains the Kurdish issue.

The present changes in Turkish-Israeli relations are also conditioned by the processes of European integration in Turkey. Ankara's foreign policy orientation to the EU makes it effect certain changes in its relations with Israel. The quality of Turkish-Israeli relations depends on Turkey's internal political factor. It is well known that the Turkish military men were the main ideologists and adherents of developing Israeli-Turkish relations beginning since 1990s. That's why in case of further reduction of the role of military leaders in Turkey's political life, relations with Israel will undergo objective changes to the worse. Of course, it will not cause the disruption of Israeli-Turkish relations, the imperatives in the security fields of both of the countries will not even allow it to decrease to the critical point, but their role in political processes of the region will be considerably reduces.